*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 136–144.*
*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):136-144.*

Аналитическая статья

УДК 101.1

doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-136-144

# «СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ» КАК ПРЕДМЕТ ПОЗНАНИЯ СТУДЕНТАМИ НЕФИЛОСОФСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

**Наталья Леонидовна Худякова**

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, hudyakovanl@gmail.com

***Аннотация.*** Статья представляет собой рецензию на главу «Социальная и политическая философия» в проекте учебного пособия «Философия»: Кржевов В. С. Социальная философия // Философия : учебное пособие / Ф. Е. Ажимов, К. Ю. Аласания, А. Р. Апресян и др. / Под ред. А. П. Козырева, Т. А. Вархотова. — М. : Прометей, 2026. — С. 575–595. В качестве критерия отбора философских знаний для студентов нефилософских специальностей названа их необходимость для решения проблем своей жизни и в качестве методологических оснований проводимых студентами научных исследований. Отмечается в целом адекватное изложение автором сложившегося в отечественной социальной философии понимания её содержания. Тем не менее сформулирован ряд вопросов по поводу предмета, цели и основных проблем социальной философии. В рецензии уточняются системные характеристики общества как социальной формы бытия, описанные автором текста фрагментарно; предлагается более полное описание основных элементов человеческой деятельности на основе использования исследований отечественных философов; вносятся предложения по определению «общих принципов структурной организации человеческих обществ»; обращается внимание на недостаточную представленность основных идей концепции социокультурного взаимодействия П. Сорокина, которую автор текста называет концепцией общества как «системно-организованного единства»; обращается внимание на то, что следует различать философию истории как часть социальной философии и как часть методологии исторических наук. В рецензии отмечается редкое для современной философии, но плодотворное признание автором текста закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, сформулированного К. Марксом, основанием «исторической изменчивости общественной жизни».

***Ключевые слова:*** социальная философия, предмет, цель и проблемы социальной философии, общество как социальная форма бытия, субстанция общества, человеческая деятельность, структура общества, философия истории

***Для цитирования:*** Худякова Н. Л. «Социальная философия» как предмет познания студентами нефилософских специальностей // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 136–144. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-136-144.

Analytical article

# "SOCIAL PHILOSOPHY" AS A SUBJECT OF STUDY FOR NON-PHILOSOPHICAL STUDENTS

**Natalia L. Khudyakova**

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, hudyakovanl@gmail.com

***Annotation.*** The article is a review of the chapter “Social and Political Philosophy” in the draft textbook “Philosophy”. V. S. Krzhevov. Social Philosophy / Philosophy: a textbook / F. E. Azhimov, K. Yu. Alasaniya, A. R. Apresyan, et al. / Edited by A. P. Kozyrev, T. A. Varkhotov. — Moscow: Prometheus, 2026. — Pp. 575–595. The criterion for selecting philosophical knowledge for students of non-philosophical majors is its necessity for solving the problems of their own lives and for serving as the methodological foundation for the scientific research conducted by the students. It is noted that the author generally provides an adequate exposition of the understanding of its content that has developed in Russian social philosophy. Nevertheless, a number of questions have been formulated regarding the subject, purpose, and main problems of social philosophy. The review clarifies the systemic

© Худякова Н. Л., 2026

characteristics of society as a social form of existence, which the author of the text described in a fragmentary manner; it offers a more comprehensive description of the main elements of human activity based on the research of Russian philosophers; it puts forward proposals for defining the "general principles of the structural organization of human societies"; it draws attention to the insufficient representation of the main ideas of P. Sorokin's concept of sociocultural interaction, which the author of the text refers to as the concept of society as a "systematically organized unity"; it points out that it is necessary to distinguish between the philosophy of history as part of social philosophy and as part of the methodology of historical sciences. The review notes that the author, in a rare but fruitful acknowledgment for modern philosophy, recognizes the law formulated by K. Marx — the law of correspondence between production relations and the nature and level of development of productive forces — as the basis for the "historical variability of social life."

***Keywords:*** social philosophy; the subject matter and purpose of the problems of social philosophy; society as a social form of existence; the substance of society; human activity; the structure of society; the philosophy of history

***For citation:*** Khudyakova NL. "Social Philosophy" as a Subject of Study for Non-Philosophical Students. *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):136-144. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-136-144.

Анализируемая глава является частью проекта учебного пособия «Философия», создаваемого группой ученых и предлагаемого в качестве единого источника знаний по философии для студентов нефилософских специальностей. От учебного пособия не требуется полного и системного изложения фундаментальных знаний о предмете познания, принимаемых большинством научного сообщества, которое обязательно для учебников. В то же время учебное пособие может содержать дополнительные к учебнику знания, разные точки зрения, содержать спорные ответы на проблемы изучаемой дисциплины. То есть по своей форме учебное пособие не может быть единым источником знания для всех студентов. Наоборот, специфика учебного пособия свидетельствует о том, что учебных пособий по философии может быть множество. Вместе с тем и учебное пособие как источник содержания целенаправленного образования должно содержать в себе специально отобранные и педагогически организованные знания. Для обучающихся на нефилософских специальностях философские знания должны предстать с одной стороны именно как *философские* знания, способствующие формированию в сознании обучающегося целостной картины мира, позволяющей понять частные его проявления из понимания всеобщего и общего, с другой, — как необходимые для него, как те, на которые можно опереться и при решении проблем своей жизни, и в качестве методологических оснований проводимых ими научных исследований. Также следует учесть особенности восприятия студентами-нефилософами философских текстов. С этих позиций мы проводим анализ главы «Социальная и политическая философия» в части «Социальная философия», написанной Кржевовым Владимиром Сергеевичем.

В целом автор адекватно излагает сложившееся в отечественной социальной философии понимание её содержания. Тем не менее возникает ряд вопросов, возможное уточнение ответов на которые автором анализируемого текста, с нашей точки зрения, облегчит понимание студентами необходимости социально-философских знаний для решения проблем общества и человека.

Первая часть текста посвящена, судя по подзаголовку, *предмету социальной философии*. Автор справедливо отмечает, что выяснение особенностей социальной философии «опирается на определенное понимание предмета и задач философии в целом» [9, с. 575], тем не менее предлагает содержание главной цели социальной философии *без предварительного определения её предмета*. Предмет социальной философии в тексте так и не определен, но при описании цели и проблем социальной философии он фактически обозначается, но очень уж вариативно. В качестве такового называются: «мир людей», «процессы жизнедеятельности сменяющих друг друга поколений человечества», «социокультурный мир», «человеческие общества», «человечество», «сфера социальных процессов», «социальные явления», «социальные объекты» [9, с. 576–578].

Автором сформулирована главная цель социальной философии: «дать целостную и достоверную картину *мира людей* и тем самым сориентировать их на понимание того, что произошло в прошлом, разрешения насущных проблем настоящего и прогнозирования будущего» [9, с. 576]. Ожидается, что текст соответствующей главы учебного пособия должен быть также ориентирован на реализацию этой цели.

Далее названы три основные группы проблем социальной философии, которые в определенной мере определяют структуру содержания текста, посвященного этому разделу философии: 1) «…определение *качественного своеобразия социокультурного мира*…»; 2) «постижение *общих принципов структурной организации*

*человеческих обществ* и установление источников и причин наблюдаемых в человеческой истории изменений форм этой организации» и связанная с решением этой проблемы *проблема типологизации обществ*; 3) «проблема выявления в *историческом движении человечества* движущих сил и установление его *закономерностей*» [9, с. 577].

Первая проблема весьма оправданно освещается автором в части текста, посвященной предмету социальной философии. К сожалению, студенту-нефилософу весьма трудно соотнести эту часть текста с решением соответствующей проблемы, так как отсутствует четко обозначенная связь между ними.

Очень важно, что автор указывает на исходное положение излагаемой им концепции предмета социальной философии: «понимание человека и общества как высокоорганизованных единиц … мира, в своем существовании и изменении подчиненных его фундаментальным законам» [9, с. 577]. Качественное своеобразие «социокультурного мира» автор определяет через сравнение с миром природным. Возникает вопрос: почему социальную форму бытия автор не относит к органическому миру, т. е. к миру живого, а «объекты органического мира (мира живого)» различает с «объектами мира социального» [9, с. 578]? Разве социальная форма бытия не является бытием человека как живого существа??? Не точнее ли будет, вслед за Ф. Энгельсом, различать биологическую и социальную формы бытия? В социальной философии и социологии многие исследователи относят то и другое к органическим системам. В пользу этой позиции говорят также исследования основателей философской антропологии как учения о человеке в его целостности — Х. Плеснера, М. Шелера, А. Гелена, П. Теяра де Шардена и др., которые рассматривают возникновение человека на определенной ступени развития мира (стратификационная онтология) на базе биологической формы жизни, но принципиально отличающейся от неё. Именно в этой логике автор текста описывает возникновение социального мира на базе предшествующей ему формы бытия.

С целью удержания проводимого анализа в поле социальной философии мы будем опираться на упомянутую автором социальную форму бытия, а точнее — на общество как социальную форму бытия и как предмет социальной философии.

Для установления параметров «сходства и различий между природными и социальными явлениями» автор предлагает использовать *субстанциальный подход*, предполагающий познание объектов как субстанциальных систем. К сожалению, автором мимоходом и не в полном объеме называются существенные свойства таких систем, позволяющие обосновать то, что называется в качестве субстанции социального, и выявлять внутренние механизмы существования и развития социальной формы бытия. При этом есть ссылка только на идею Спинозы о субстанции как «причины самой себя», но нет даже упоминания свойств субстанциальных систем, выявленных К. Х. Момджяном. Названа только «способность к самоорганизации, т. е. самопорождению и самоподдержанию» [9, с. 578], но не указаны такие свойства, как самодвижение, саморазвитие, самоцельность и самодостаточность [4, с. 171–172; 5, с. 141]. Это упущение не позволяет рассматривать общество как саморазвивающуюся систему и использовать открытия диалектики и синергетики для понимания закономерностей развития социальной формы бытия. В то же время автор акцентирует внимание на таком свойстве субстанциальных систем, как негэнтропийность, и пишет, что «на анализе этой способности сосредотачивается субстанциальный метод познания» [9, с. 578]. К сожалению, кроме общей характеристики негэнтропийного процесса: «извлекая ресурсы из внешней среды, самоорганизующиеся системы меняют энергетический баланс „в свою пользу“, сохраняя и даже приумножая запасы собственной энергии» [9, с. 578], автор не описывает, за счет чего именно, каких механизмов это происходит в социальной форме бытия.

Далее автор называет субстанцию, которую рассматривает, «интегрирующим началом, образующим единство всех возможных элементов социальных процессов». В качестве таковой автор предлагает *«деятельность организованных в устойчивые сообщества индивидов»*. Но субстанцию чего именно предлагает рассматривать автор? То есть в «тексте так и сохраняется неопределенность предмета социальной философии и отсутствуют его характеристики, позволяющие определить его субстанцию. Для этого недостаточно отнести предмет социальной философии к субстанциальным системам» [12]. Важно, что это *система органического типа*, т. е. обеспечивающая воспроизводство жизни людей как живых существ, и это *социокультурная система*, субстанциальные свойства которой поддерживаются этими же людьми, но уже как социокультурными существами — как субъектами деятельности и как личностями.

Итогом разъяснения названной автором субстанции является определение содержания понятия *«организационные формы деятельности»*, которые рассматриваются как «возникающие

между людьми и устойчиво возобновляемые связи и отношения, в том числе и по поводу деятельно присваиваемых ими объектов» [9, с. 579]. В этой части текста данное понятие не связано с предметом социальной философии, и только на с. 584 автор пишет, что «*инвариантной* организационной формой совместной деятельности людей является *общество*».

Предлагаемая автором субстанция — по нашему предположению, субстанция общества как социальной формы бытия — даже для специалистов (а не только для студентов) нуждается в уточнении. У него речь идет не просто о деятельности, а о деятельностях сообщества индивидов, т. е. об организационной форме совместной деятельности. Но какой именно? Являясь субстанцией, она должна обеспечивать проявление всех свойств субстанциальных систем: самопорождение, самоподдержание, самодвижение, саморазвитие, самоцельность и самодостаточность. Всем требованиям, предъявляемым к субстанции социального, отвечает *производство*, которое является *«организационной формой деятельности»*. Начало этого подхода к определению «субстанции социального заложено К. Марксом, который писал, что термин «производство» используется как абстракция, позволяющая отразить то общее, что характеризует не только процесс целенаправленной деятельности, но и процесс её воспроизводства через включение продукта одной деятельности в другую» [3, с. 29]. Так как идея производства как субстанции социального не противоречит пониманию субстанции автором текста, мы имеем смелость предложить свое решение проблемы. Следуя К. Марксу, мы определили субстанцией общества как социальной формы бытия производство, которое рассматриваем как «живую деятельность, взятую в отношении к своему продукту, который встраивается в новый акт живой деятельности, либо в виде субъекта (цели), либо в виде средства, либо в виде предмета. Таким образом, производство всегда складывается как комплекс деятельностей, взаимосвязанных через продукт, и обеспечивает воспроизводство всех элементов деятельности» [10, с. 25].

В конце части текста о предмете социальной философии, посвященной субстанции, автор формулирует *«ключевые философские вопросы»* как «вопросы о внутренних регулятивных механизмах деятельности, состоянии или свойствах её субъектов и причинах формирования устойчивых социальных групп». Т. е. предмет социальной философии смещается на внутреннюю структуру деятельности без её связи с обществом как социальной формой бытия. К ключевым философским вопросам отнесены: 1) «об истоках определенной направленности человеческих действий», 2) «о необходимой обусловленности видов и форм социальной организации», 3) «о сущности свободы человека» [9, с. 579]. Но возникает вопрос: каким образом они связаны с рассмотрением предмета социальной философии как субстанциальной системы, т. е. в его соотнесении с сущностными признаками такой системы?

Вторая часть текста, посвященного социальной философии, названа автором *«Специфика информационного обеспечения деятельности. Деятельность, потребности, мышление»* [9, с. 580]. В ней прежде всего автор характеризует простейший акт деятельности — действие как её «элементарную клеточку»: называет субъекта и объект основными элементами действия; рассматривает потребности и интересы субъекта деятельности в качестве исходных «объективных детерминант человеческих действий»; в структуре действия выделяет «функциональные элементы» и обращает внимание на то, что результат одного действия является основанием для организации другого действия. В итоге автор фактически выходит на структуру субстанции социальной формы бытия — структуру производства как комплекса деятельностей, связанных через продукт. Но это остается трудноуловимым и для читателей, и для самого автора. В этой части текста автор, кажется, забывает о субстанциальном подходе.

Характеризуя элементарную форму деятельности через взаимодействие субъекта и объекта, автор не вспоминает о таких её структурных элементах, как культурное средство, предмет и продукт (результат). В то же время на с. 584 им описывается роль результата одного действия при определении цели следующего действия, а на с. 577 подчеркивается важность средств производства, которые являются средствами деятельности, то есть тем, что применяет субъект для воздействия на объект и его преобразования в продукт. В этой части текста, получается что характер деятельности определяется *только* потребностями и интересами её субъекта.

Потребности человека автор описывает как «свойство субъекта нуждаться в объективно необходимых условиях своего существования» [9, с. 581]. Здесь требуется уточнение: речь идет о потребностях человека или только человека-субъекта, который становится таковым, как ранее утверждает автор, только в его взаимодействии с объектом, т. е. в ситуации осуществления целенаправленной деятельности? Очень важно, что автор обращает внимание на непродуктивность очень живучей в социогуманитарном

знании идеи «построить иерархию потребностей», так как все они отражают «равную объективную необходимость для человека» [9, с. 582]. Вместе с тем, жаль, что, характеризуя потребности человека, автор не обращается к трудам А. Н. Леонтьева и Д. А. Леонтьева [1, 2], которые убедительно обосновывают, что конкретные предметы потребностей человека определяются культурой. Согласно исследованиям А. Н. Леонтьева, для высших животных и человека характерен механизм формирования конкретно-предметного содержания базовых потребностей и на основе врожденного (генетически обусловленного), и на основе приобретенного (на основе опыта установления отношений конкретного живого организма с внешней для него средой) [1]. Для человека — это опыт культурно-опосредованных отношений, т. е. опыт целенаправленной деятельности, опыт культуры. Д. А. Леонтьев трактует потребности человека как отношение между ним и миром, которое складывается в процессе целенаправленной деятельности [2, с. 10].

Наряду с потребностями автор рассматривает «интерес» как «специфичный лишь для нее (деятельности) причиняющий фактор» [9, с. 583]. Интерес понимается как «необходимо присущее субъекту свойство нуждаться в средствах удовлетворения потребностей — тех объектах, которые прямо или опосредованно обеспечивают поддержание его жизни» [9, с. 583]. То есть получается, что предметом интереса является и предмет потребления, и средство, необходимое для производства этого предмета. Что же тогда является предметом собственно потребности? Как пишет автор: «отношение к средствам жизнеобеспечения и составляет основное содержание интересов субъектов», а потребности, по его же словам, «нужда в условиях своего существования». Чем одно отличается от другого?

Очень странно, что автор не вводит в характеристики субъекта его ценностные ориентации (личностные ценности), соотнеся их с потребностями и интересами. И это в то время, когда проблема ценностей и их роли в жизни человека и общества приобрела насущную актуальность. Согласно нашим исследованиям, личностные ценности являются социокультурной формой существования базовых потребностей.

Далее автор пишет о «способах производительного удовлетворения потребностей», которые «меняются вместе с изменением применяемых людьми орудий и технологий (последние включают в себя и располагаемую информацию, скомпонованную по формуле «знаю как»)» [9, с. 583]. Здесь автор фактически пишет о способах организации деятельности, характер которых определяется качествами *культурных средств* деятельности, применяемых субъектом для воздействия на объект. И выходит на закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, который объясняет зависимость форм деятельности от качеств используемых культурных средств. В качестве таких средств автором называется информация, которая, судя по названию этой части текста, рассматривается автором как одна из главных характеристик деятельности, но упоминается в тексте только три раза: как «присущие деятельности механизмы информационной саморегуляции» на с. 581, как «технологии, включающие в себя информацию» на с. 583 и как «информационно-регулятивный элемент простейшей формы деятельности» на с. 583. Ни о какой «специфике информационного обеспечения деятельности» в тексте больше ничего нет.

В итоговой части текста, посвященной деятельности, автор пишет о деятельности как постоянно возобновляющемся процессе и предлагает *структуру действия*, представленную «функционально-обособленными элементами»: 1) «причиняющий», 2) «информационно-регулятивный», 3) «операциональный», 4) «результативный». С нашей точки зрения, это точнее назвать *структурой организации действия* субъектом, которая включает в себя: 1) потребности и интересы субъекта как источник и направляющие его предметно определенной активности (а точнее, ценностная и целевая определенность действий субъекта); 2) действия субъекта по построению (конструированию, проектированию) образа предстоящей деятельности (определение цели и плана действия), обеспечивающей удовлетворение потребностей и интересов, основным средством в котором выступает имеющийся у субъекта опыт, сохраняемый в форме содержания сознания — то, что автор называет «информационно-регулятивным элементом» действия; 3) реализацию проекта действия (которая может быть произведена и в сфере материального, и в сфере идеального бытия человека) и получение результата.

Особенное внимание автор уделяет результату действия, который объявляет «*новым* компонентом объективно данной субъекту ситуации, характеристики которой он должен учитывать в последующих циклах деятельности» на с. 584. Результат, который, с точки зрения автора, может как удовлетворить, так и не удовлетворить потребности человека, становится отправной точкой нового действия. Сама по себе эта идея методологически плодотворна. Подробно она

описана как «дельта-результат» в работе А. Б. Невелева «Философия познания» (2015) [6, с. 34–35]. Есть сомнение в правильности соотнесения автором результата действия с потребностями и интересами, а не с целями субъекта: в системе разделения труда и его кооперации человек чаще всего реализует цели, непосредственно не связанные с его потребностями и интересами. Цель деятельности есть образ её продукта, сочетающий в себе и внешние, и внутренние для субъекта предпосылки его действий, т. е. базовые потребности человека и его личностные ценности с осознаваемыми человеком внешними условиями его деятельности, прежде всего со свойствами объекта деятельности и используемого культурного средства.

В третьей части текста, посвященной социальной философии и названной *«Общество, культура, цивилизация: философия истории и специфика исторического познания»*, автор предлагает определение понятия «общество»; рассматривает «ключевой вопрос философии общества» «о причинах и источниках устойчивой интеграции образующих сообщество индивидов»; предлагает функциональную структуру общества; описывает действие закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил (хотя закон и не называет), которое признается основанием «исторической изменчивости общественной жизни»; описывает три концепции направленности исторического процесса («вечного круговорота», «начала и конца истории», «стрелы времени») и некоторые положения философско-исторических концепций Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса; взгляды на методологию исторического познания позитивистов и неокантианцев. Это содержание соотносится со второй и третьей группой основных проблем социальной философии, названных автором в начале главы на с. 577, но о заявленной в названии этой части текста цивилизации вообще нет ничего, а о культуре говорится только как о типах культуры, выявленных П. Сорокиным.

Определение *«общих принципов структурной организации человеческих обществ...»* (2-я группа проблем) автор начинает с определения общества как «инвариантной организационной формы совместной деятельности людей» [9, с. 584]. Автор не разъясняет ни того, что является «организационной формой совместной деятельности людей», ни того, почему общество является её инвариантом. Зато пишет о том, что выявление существенных признаков общества «остается предметом бесконечных дискуссий» [9, с. 585]. Для студентов нефилософских специальностей такого рода утверждения являются лишь обоснованием ненужности философских знаний.

Вызывает сомнение утверждение об обществе как инварианте, в качестве которого может выступать только нечто неизменное, но является ли таковым общество? Автор рассматривает предмет социальной философии как субстанциальный, а значит, и саморазвивающийся, т. е. постоянно меняющийся и существующий в форме модусов субстанции. Можно согласиться, что в обществе как организационной форме совместной деятельности людей можно обнаружить его *инвариантную структуру*, отражающую «устойчиво возобновляемые связи и отношения» — т. е. существенные признаки «организационной формы деятельности», названные автором на с. 579. Кстати, там определение этого понятия ни с чем не связано, а в этом месте текста оно было бы уместно в связи с определением понятия «общество».

Далее рассматривается *«ключевой вопрос философии общества»* — «вопрос о причинах и источниках устойчивой интеграции образующих сообщество индивидов», примером решение которого автор предлагает концепцию общества как «системно-организованного единства» П. А. Сорокина. Обращение к концепции П. Сорокина, которую точнее назвать концепцией социокультурного взаимодействия, с нашей точки зрения, очень продуктивно, так как позволяет понять неразрывную связь «*личности* как субъекта взаимодействия, *общества* как совокупности взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и *культуры* как совокупности *значений, ценностей и норм*, которыми владеют взаимодействующие лица, и *совокупность носителей*, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [7].

Сорокин описывает движение от *личности (творца)* к порождаемым ею формам культуры, представленной значениями, ценностями и нормами и их предметными воплощениями (проводниками), и далее *к обществу* как организационной форме коллективной деятельности людей, основанием организации которых становятся освоенные людьми значения, ценности и нормы, приобретающие надындивидуальный характер. Но эти базовые идеи концепции Сорокина даже не упомянуты. Более того, если Сорокин пишет о культуре как о совокупности «значений, ценностей и норм», то автор пишет о «смыслах, ценностях и нормах». Подмена термина «значения» термином «смыслы» в данном случае недопустима, так как «значение», «значимость»

для Сорокина выступают сущностной характеристикой социокультурных явлений, к которым он относит общество. Сорокин пишет: «Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов». ... «Значимое взаимодействие — это любое взаимодействие, в котором влияние, оказываемое одной частью на другую, имеет значение или ценность, возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий» [8]. Из исследований П. Сорокина взято лишь весьма краткое описание идеационного, чувственного и идеалистического типов культуры, которые называются автором «структурообразующим основанием интеграции социальной» [9, с. 586]. Из текста непонятен механизм такого структурообразования, так нужно ли об этом писать для студентов нефилософских специальностей?

Далее автор переходит к решению проблемы функциональной целостности общества и ставит задачу «установить, что за элементы и какие функции необходимы для устойчивого поддержания общества», «любого из известных нам обществ» [9, с. 586]. Для решения этой задачи применяется *«сравнительный анализ»*, который, с точки зрения автора, «помогает установить те элементы, что необходимы и достаточны для формирования структуры любого общества» [9, с. 586]. «В итоге получаем теоретическую модель «общества вообще», включающую: 1) деятельность субъектов, 2) предметные средства их производительной деятельности, 3) информацию на предметных носителях, 4) устойчивые организационные связи...» [9, с. 586]. Непонятно, почему в философском исследовании для построения теоретической модели общества использован «сравнительный анализ», видимо, «известных нам обществ». Названные элементы «общества вообще» могут быть определены методом теоретического анализа деятельности и условий её воспроизводства. Они представляют собой то, что необходимо для воспроизводства деятельности (которую автор назвал субстанцией социального) множества людей как совместной: 1 — человека, способного быть субъектом деятельности; 2 и 3 — материальных и идеальных средств деятельности; 4 — организационной структуры совместной деятельности людей. Все эти элементы рассматриваются автором как продукты «целенаправленной деятельности», а обеспечивающие их производство «четыре основных вида деятельности» центрами «формирования соответствующих сфер жизни общества: сфер *производства* «материального»..., «духовного», «социальной сферы» и «сферы социального управления». Почему бы все эти сферы жизни общества не назвать сферами общественного производства? Социальная сфера — производства людей как живых и как социокультурных существ. Сфера социального управления — производства организационной структуры общества и обеспечения её устойчивого воспроизводства. Это позволило бы описывать именно функциональную структуру общества и не включать в её характеристику что-либо иное. Например, в описание социальной сферы — демографическую структуру общества.

В предлагаемом автором подходе к определению структуры общества как субстанциальной системы именно *производство* как комплекс деятельностей, связанных через продукт и обеспечивающих свое воспроизводство, фактически выступает *в качестве субстанции социальной формы бытия*. Об этом свидетельствует и утверждение автора: «стабильное существование человеческих обществ обеспечивается *производством* достаточного для жизнеобеспечения при данных условиях количества средств потребления» [9, с. 587].

Следующая часть текста посвящена описанию условий возобновляемости существования «социокультурного мира». Особенно автором подчеркивается «важнейшая роль *средств производства*, поскольку их качественные характеристики в наибольшей степени влияют на формы и способы существования социального мира» [9, с. 587]. Здесь было бы уместно сказать об открытом К. Марксом *законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил*, так как действие именно этого закона описано автором на с. 387–588 и признано основанием «исторической изменчивости общественной жизни».

Далее автор рассматривает *«философию истории»* как «область философии, обращенную к фундаментальным проблемам исторического бытия человека и социально-исторического познания». Здесь возникает вопрос: не следует ли уточнить, что философия истории рассматривает проблемы исторического познания и формирует методологические основания исторических наук и проблемы развития общества как исторического процесса, решаемые на уровне социальной философии? Хотелось бы в тексте более четкого выделения социально-философских проблем, решение которых автором описывается очень неупорядоченно.

Текст о философии истории начинается с утверждения, что в ней оформились два направления. В основании одного лежат представления

о «наличии в мире правильного порядка», а другое? Далее речь идет о «концепции циклической направленности движения всего мироздания», которая сменилась концепцией «начала и конца истории» и «стрелой времени». То есть, судя по тексту именно концепции направленности исторического процесса представляют собой два направления в философии истории.

Раскрывая *проблему направленности исторического процесса*, но не обозначая её как таковую, автор описывает «модель вечного круговорота» и модель «начала и конца истории», упоминая лишь А. Августина. Возникает вопрос: почему не упомянуты другие концепции направленности исторического процесса, особенно те, которые предполагают вариативность тенденций изменения обществ? Конечно, обращаясь далее к исследованиям Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, автор описывает и их представления о целях истории, но решение проблемы направленности тонет в тексте, посвященном описанию других проблем социальной философии.

В следующей части текста, посвященной философии истории, описываются некоторые положения философско-исторических концепций Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, рассматривающих исторический процесс как развитие общества, подчиняющееся определенным законам, и взгляды представителей позитивизма и неокантианства («критической философии истории»), сосредоточившихся на проблемах познания исторического процесса.

Автор описывает понимание Гегелем истории человечества как «обретение мировым Духом сознания своей свободной сущности». Параллельно *упоминается проблема соотношения необходимости и свободы*, которая раскрывается на примере взглядов Гегеля, но очень невнятно. Здесь было бы уместно написать и об идее Маркса об истории как процессе освобождения человека, выделяя три сменяющих друг друга типа социальности: отношении личной зависимости, отношении вещной зависимости (при личной независимости) и отношении «свободной индивидуальности». Иначе в сознании студентов внедряется идея о том, что материализм в принципе несовместим со свободой человека.

Далее автор переходит к описанию основных, по его мнению, положений «материалистического понимания истории», разработанного Марксом и его последователями. Обращает внимание на то, что «исходным положением материалистической философии К. Маркс «сделал тезис о Человеке как единственном субъекте исторического процесса». Важно обратить внимание студентов на то, что на этом положении также строится излагаемое в предлагаемом тексте решение проблем социальной философии.

Далее автор пишет: «в следующем шаге анализа выявлялась зависимость между совокупностью социальных ролей, исполнение которых необходимо для поддержания жизни, и базовыми принципами взаимодействия субъектов — исполнителей этих ролей» [9, с. 591]. Непонятно, кем выявлялась? Вроде бы автором текста, так как К. Маркс не использовал термин «социальная роль», но в конце абзаца на основании изложенного делается вывод, что «классовая борьба рассматривается как главная движущая сила исторического процесса» [9, с. 592]. А далее автор пишет: «осмысливая с этих позиций ... Маркс формулирует общий закон исторического движения: закон соответствия уровня развития производительных сил и форм производственных отношений» [9, с. 592]. То есть получается, что Маркс вывел этот закон из положения о классовой борьбе?? Да и закон сформулирован автором как-то не по-русски.

Исторический материализм К. Маркса представлен в тексте описанием действия названного закона; описанием общественно-экономических формаций, сменяющих друг друга в соответствии с этим законом; описанием основных признаков прогнозируемого Марксом постбуржуазного общества с его социалистической и коммунистической фазами.

Следующую часть текста, с нашей точки зрения, следовало бы более четко отделить от предыдущей, так как речь идет уже о «критической философии истории», которая предметом познания делает не сам исторический процесс как реальность, а сосредоточивается на природе исторического знания — на анализе того, *как* мы познаем прошлое. Нужно ли эти знания включать в содержание главы о социальной философии, предназначенной для студентов-нефилософов? Автор сам подвергает сомнению возможность применения взглядов позитивистов в социальной философии, которые вообще отрицают необходимость философского уровня познания. О взглядах неокантианцев на *историю человечества* (а не развитие общества как исторический процесс) он пишет с позиций историков, а не социальных философов: «история человечества являет собой континуум уникальных, никогда не повторяющихся событий, а поэтому в арсенале познавательных средств историка следует исключить допущения об их закономерности» [9, с. 594].

Единственно применимыми в социальной философии из того, что названо, но не описано в этой части текста, являются метод «идеальных типов», разработанный Вебером, и метод «соотнесения с ценностью».

Резюмируя, так как рецензируемый текст является частью *проекта* учебного пособия «Философия», то надеемся, что сформулированные по ходу анализа вопросы помогут его усовершенствовать.

## Список источников

1. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции [Электронный ресурс]. М., 1971. С. 1, 13–20, 23–28, 35–39. URL: https://web.archive.org/web/20091223080624/http://flogiston.ru/library/leontev

2. Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей [Электронный ресурс]. URL: https://gigabaza.ru/doc/194100-pall.html

3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 29.

4. Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М. : Изд-во Московского университета, 2013. 400 с.

5. Момджян К. Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк., КД «Университет», 1997. 448 с.

6. Невелев А. Б. Философия познания : учеб. пособие / А. Б. Невелев, Н. Л. Худякова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 123 с. (Классическое университетское образование).

7. Сорокин П. А. § 6. Личность, общество и культура как неразрывная триада. Родовая структура социокультурных явлений [Электронный ресурс]. Социология: хрестоматия: М. : Российский государственный гуманитарный университет. URL: https://studfile.net/preview/4343069/page:42/

8. Сорокин П. А. Родовая структура социокультурных явлений [Электронный ресурс]. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов ; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М. : Политиздат, 1992. 543 с. URL: https://virmk.ru/read/s/SOROKIN/kniga_1/032.htm

9. Кржевов В. С. Социальная и политическая философия // Философия : учебное пособие / Ф. Е. Ажимов, К. Ю. Аласания, А. Р. Апресян и др. / Под ред. А. П. Козырева, Т. А. Вархотова. М. : Прометей, 2026. С. 575–595.

10. Худякова Н. Л. Производство как субстанция общества // Вестник ЧелГУ: философия, социология, культурология. Вып. 31. 2013. № 38 (329). С. 24–29.

11. Худякова Н. Л. Потребности человека и личностные ценности как социокультурная форма их существования // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. Вып. 55. 2020. № 4 (438). С. 36–47.

12. Худякова Н. Л., Внутских А. Ю. Проблема цели и предмета социальной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 4. С. 553–564.

## Информация об авторе

**Н. Л. Худякова** — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

## Information about the author

**N. L. Khudyakova** — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Eurasia and the East.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2026; одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.*

*The article was submitted 25.07.2026; approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.